

В Диссертационный совет Д 503.001.01
на базе федерального государственного
научно-исследовательского учреждения
«Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Глазунова Алексея Юрьевича на тему «Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Диссертация Глазунова А.Ю. посвящена проблемам, связанным с защитой прав и интересов участников хозяйственных обществ. В рамках работы автор делает заявку на выстраивание новой систематики способов защиты, а также обсуждает отдельные способы защиты, главным образом иск о взыскании убытков, напрямую в пользу участника, а также право на взыскание нераспределенных дивидендов.

Попытки осмыслить охрану прав и интересов участника за пределами частных способов защиты следует приветствовать. Только таким образом можно создать что-то по настоящему новое, а не просто развивать уже закрепленные в законодательстве правила. Кроме того, количество корпоративных споров, несмотря на все усилия законодателя и судебной практики, продолжает расти, что показывает объективный предел уже существующих способов защиты, а значит, работа обладает актуальностью, поскольку пытается выйти за их рамки.

Работа состоит из четырех глав, первая из которых посвящена непосредственно новой систематике способов защиты, вторая – ответственности участника перед другим участником, третья – проблеме взыскания отраженных убытков, а четвертая – взысканию нераспределенных дивидендов.

С точки зрения источников бросается в глаза ориентация автора на англо-американское право, что само себе возражений не вызывает, поскольку авторитет и качество источников из этих правовых порядков обычно позволяют выстроить хороший фундамент для правового исследования.

Однако автор также систематически ссылается на опыт иных стран (Германия и Франция), при том что в исследовании не использовались источники на языке этих стран. Такой подход, действительно часто использовавшийся (в том числе, к сожалению и автором настоящего отзыва в своих ранних работах) еще каких-то 10-20 лет назад в связи с критическим падением общего уровня научных исследований в 1990-ые и 2000-ые годы, не отвечает критерию достоверности описания права этих стран, поскольку редкие англоязычные статьи, где такой опыт упоминается, не могут быть опорой для окончательных выводов, и, напротив, могут стать причиной ошибочного понимания иностранного права. Любые фрагменты таких источников позволяют читателю лишь понять, на чем основывался автор этого источника, получить общее представление об иностранном праве, но никак не быть основой для собственных выводов последующего исследователя. Мало того, что автор диссертации берет на себя риск ошибки перевода двойного перевода (как понял иностранное право англоязычный автор, как понял англоязычный источник автор настоящего исследования), так ещё он не знает, что прочитал автор оригинального источника и каков авторитет использованных им источников об иностранном праве, каков контекст прочитанного.

Кроме того, при изучении иностранного права велик риск ошибки при прямом сопоставлении, поскольку одни и те же функции могут выполняться разными институтами, типичный пример: развитая уголовная ответственность директора или возможность назначения судом эксперта для проверки дел компании во Франции во многом забирают на себя функции институтов, препятствующих злоупотреблению директором или мажоритарного участника, и получения доступа к информации о компании соответственно, чтобы это понять, нужно опять-таки изучать работы из описываемого правопорядка.

К счастью, в публикациях последних лет видна неуклонная тенденция ухода от пережитка использования в виде неоригинальных (не на языке страны происхождения) статей как достаточного источника для описания иностранного права. Подход, избранный автором, сравним с тем, что какой-либо феномен описывается в пересказе, и на этом основании делаются научные выводы. Сложно представить себе приемлемость такого подхода в какой-либо другой отрасли науки, равно как невозможно это было и в юриспруденции дореволюционного и даже советского периодов (можно вспомнить хотя бы таких корифеев как М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, В.А. Рясенцев, И.Б. Новицкий, Е.А. Флейшиц, все из которых владели несколькими иностранными языками и несмотря на ограниченность в возможности получить доступ к иностранным работам, все равно использовали только работы страны происхождения для описания соответствующего иностранного права). В настоящее время с учетом доступности поездок с целью научных

стажировок, посещения библиотек, приобретения зарубежных книг посредством электронных сервисов, да и просто скачивания их в сети Интернет, поскольку зарубежные диссертации нередко выложены в открытом доступе, вышеуказанный методический порок тем более не может получить никакого оправдания.

Для того чтобы понять, что это замечание не только к методологии, но выражается в некорректности содержания диссертации, можно, например, обратить внимание на то, как автор доказывает существование возможности взыскания убытков участником с другого участника в Германии (С. 100-103): 1) цитирует ст. 243 Закона Германии об АО о том, что не может быть оспорено решение собрания, даже если оно предоставляет необоснованную выгоду одному из акционеров, если оно предусматривает соразмерное возмещение убытков другим акционерам. Однако автор не приводит источник такого перевода. Даже если бы он использовал условно «официальный» перевод на английский, размещенный на сайте Министерства Юстиции Германии он бы увидел, что там используется термин «compensation» и «damage», что совсем не равнозначно понятию возмещения убытков, а может переводиться как компенсация ущерба, тем более ничего там не говорится и о взыскании такого ущерба по иску акционера. Нет нужды говорить о том, что для того, чтобы точно ответить на этот вопрос, нужно обращаться к немецкому тексту закона и его интерпретации в немецкой доктрине и судебной практике; 2) автор цитирует две англоязычные работы, где говорится о том, что в Германии признаны фидуциарные обязанности акционеров. Но там опять-таки ничего не сказано о возможности взыскания убытков именно в пользу участника в случае нарушения таких обязанностей, равно как и о случаях, когда это допустимо.

Таким же качеством обладают и изыскания в области французского права (С. 96-100). Так, автор ссылается в обосновании наличия возможности взыскания убытков в пользу участника на две англоязычные работы, в одной из которых автор (Сонас Р.-Н.) пишет, что убытки должны взыскиваться в случае искусственного нераспределения дивидендов, т.е. это является мнением одного автора для одного конкретного случая (нераспределение дивидендов), во второй – авторы Gerner-Beuerle и Schilling, кстати говоря, не имеющие отношения к французскому правопорядку, указывают, что со злоупотребляющего акционера в случае с искусственным удержанием дивидендов, скорее чем с компании, могут быть взысканы убытки (С. 637 этого цитируемого диссертантом исследования), а на следующей странице (С. 638 этого же цитируемого диссертантом исследования) упоминается, что при злоупотреблении миноритария последствия неясны, но с него могут быть взысканы убытки в пользу мажоритария, что опять-таки является мнением авторов, которые, напоминаем, даже не относятся к французской доктрине.

Однако несколькими нажатиями клавиш в русскоязычной диссертации эти скудные источники, с неясным содержанием в части вопроса с кого и когда могут быть взысканы убытки, превращаются в генеральный вывод о том, что во Франции допускается взыскание убытков с участника в пользу другого участника.

Представляется, что доверять таким выводам о французском и немецком праве невозможно, и они не могут учитываться при оценке результатов диссертационного исследования.

Отметим, что мы указали на примеры сомнительного толкования иностранного права не столько для того, чтобы показать недостатки диссертации, а главным образом для того, чтобы продемонстрировать губительность и ошибочность использованного метода (по паре англоязычных работ авторов, часто не имеющих отношения к описываемому правопорядку, делать генеральные выводы об этих правопорядках в том или ином вопросе). Такая сравнительная компаративистика «на лету» как ничто другое дискредитирует нашу сферу науки и метод сравнительного правоведения.

Возвращаясь к диссертации, нужно сказать, что озвученный недостаток тем более кажется существенным, учитывая, что даже сам автор диссертации признает, что обращается к опыту стран континентальных стран, поскольку их правопорядки оказали существенное влияние на российское гражданское право (С. 19).

Среди выводов, сделанных в диссертации, которые заслуживают поддержки, можно упомянуть признание представительского статуса участника, обращающегося с косвенным иском (С. 20-21) и наличия фидуциарных обязанностей у участников общества (С. 21-22), возможности применения правил о защите делового решения при взыскании убытков с одного участника в пользу другого участника (С. 22-23), допустимости взыскания отраженных убытков лишь как субсидиарного средства, применимого там, где косвенный иск невозможен. Остальные выводы также могут быть признаны ценными как вклад в дискуссию о средствах защиты, хотя и не лишены серьезных изъянов.

Правда следует отметить, что выносить в качестве научных положений на защиту, а значит обладающих признаками новизны, тезисы о представительском статусе участника, равно как и о наличии фидуциарных обязанностей и защите делового решения участников, автору явно не стоило, поскольку эти идеи много раз уже были высказаны в русскоязычной литературе и автор, на наш взгляд, ничего нового в этом отношении не добавляет.

Так, Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью, утвержденный информационным письмом Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 (далее – Обзор № 151), насколько нам известно, впервые в российском позитивном праве открыто признал

наличие у участников обязанности действовать в интересах общества (см. абз. 4 п. 4 Обзора № 151: «При голосовании на собрании участники общества в силу имеющейся у них обязанности не причинять вред обществу также должны действовать в интересах общества») в контексте исключения участника¹.

Далее, следующий шаг сделала реформа ГК РФ. В статье 65.2 ГК РФ помимо прочего появились следующие обязанности участника корпорации:

- участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений;
- не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации;
- не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация.

Появление такой судебной практики, а затем и правил в ГК РФ было однозначно воспринято российской доктриной как доказательство того, что участники компании несут фидуциарные обязанности по отношению к обществу².

Известный профессор Е.А. Суханов прямо называет обязанность участников корпорации не причинять вред аналогом фидуциарных обязанностей, закрепленных ст. 53 ГК РФ для членов органов юридического лица³.

Затрагиваемые автором аспекты этой темы о том, что фидуциарные обязанности участников произрастают из того же корня, что и таковые у директоров, хотя и должны быть менее интенсивными (С. 115-122), также уже обсуждались автором настоящего отзыва с теми же аналогиями с директором (и даже шире, с лицом, ведущим чужое дело), а также с необходимостью отличать объем этих обязанностей (у участников меньше, чем у директоров)⁴.

¹ После принятия Обзора, к написанию которого оппонент имел отношение, обоснование наличия фидуциарной обязанности у участников хозяйственного общества приводили и мы в своих работах, см.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. С. 31-40.

² См.: Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10-11 (автор комментария к пункту 12 – И.С. Чупрунов); Чупрунов И.С. Влияние одобрения акционеров на ответственность директора перед корпорацией. Развернутый комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.09.2019 N 305-ЭС19-8975 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7; Некоторые авторы уточняют, что речь можно вести только о наличии таких обязанностей у того, кто обладает корпоративным контролем, см.: Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6.

³ См.: Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1 - 65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. № 3.

⁴ См.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 33-37.

Все это без каких-либо сомнений позволяет утверждать, что для российского права мысли о наличии у участников фидуциарных обязанностей и их обоснование не являются новыми как с точки зрения законодательства и судебной практики, так и с точки зрения доктрины.

Выносимый автором на защиту тезис о защите делового решения участников по аналогии с директорами также не является новым и уже обсуждался автором настоящего отзыва⁵.

Равным образом и вопрос о наличии у участника, обращающегося с косвенным иском, статуса представителя обсуждается в доктрине уже больше десяти лет⁶, и еще в 2014 году получил воплощение в законодательстве (ст. 65.2 ГК РФ).

Остальные части работы вызывают следующие замечания:

1. Из главы 1 следует, что автор предлагает использование новой классификации способов защиты прав участника: непосредственную и опосредованную. Смысл данного терминологического нововведения не вполне понятен, ибо, как признает сам автор, оно аналогично более известному разделению прямого и косвенного исков (С. 34). Как представляется, вводить новые термины нужно лишь при доказанности негодности уже используемых.

Однако самая главная претензия, пожалуй, заключается в том, что не вполне понятно, как эта часть работы связана с последующими разделами.

Критикуя высказанные в американской доктрине критерии деления исков на косвенные и прямые, автор пришел к выводу, что единственно верным, хотя и не вполне достаточным, является критерий адресата предоставления защиты (С. 42-43). Далее автор уточняет, что более верным было бы исходить из понимания того, чей интерес защищается, и приходит к выводу, что посредством косвенного иска защищается интерес компании в первую очередь, и лишь иногда – участника⁷.

Однако какое это имеет значение для выводов по другим частям работы? На первый взгляд никакого. Зачем было изолированно обсуждать этот вопрос, тем более, что по делению исков на прямые и косвенные уже много чего написано, не является откровением

⁵ См.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. С. 106-107; Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. С. 231-233.

⁶ Некоторый обзор литературы, см.: Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11.

⁷ Это спорный тезис, учитывая, что благополучие компании в большей или меньшей степени всегда оказывает влияние на права самого участника, иногда это почти незаметно, но это лишь особенность отдельных кейсов, связанных с тем, что оценка публичных компаний зачастую зависит не от буквального имущественного состояния компании, а от веры (зачастую иррациональной) инвесторов в ее благополучие. Нужно ли из этого делать вывод, что косвенный иск не защищает участника – оппонент, в отличие от автора, в этом не уверен.

и то, что данная классификация небесспорна⁸. Это ощущение изолированности главы усиливается тем более из-за того, что в работе автор, всячески напирать на необходимость использования непосредственной модели защиты, отказывается от обсуждения многих способов защиты, входящих в эту модель, в том числе – выход участника и оспаривание решений собраний. Таким образом, нельзя сказать, что диссертация посвящена непосредственной модели защиты, в ней затрагиваются лишь отдельные способы защиты, входящие в нее.

Иными словами, то, что обсуждается в первой главе, по сути представляет собой просто высказывание автора на заинтересовавшую его тему в сфере корпоративного права, но лишь опосредованно связанную с другими частями работы. Представляется, что диссертация тем и отличается от сборника статей на заинтересовавшие его автора темы, что есть общая идея и взаимообусловленность различных ее частей.

Впрочем и вывод автора, который в сухом остатке сводится к тому, что косвенные иски не могут полноценно защитить участника, тоже не кажется чем-то новым⁹ или откровением, учитывая, что никогда и никто не предлагал ограничивать способы защиты только косвенными исками, поэтому-то и нужны прямые иски. Более того, в диссертации карикатурно преувеличивается масштаб неэффективности косвенных исков и других способов защиты (например, оспаривание решения собрания), которые автор диссертации не рассматривает подробно (если верить тексту диссертации, то корпоративное право попросту не функционирует уже больше тридцати лет в ожидании, когда же мы начнем активно использовать прямые иски), видимо, с целью таким образом повысить актуальность исследуемых им способов защиты. Тогда как нам кажется, что ни прямые, ни косвенные иски не могут претендовать на то, чтобы быть единственными доступными средствами защиты. Выбор тех или иных способов защиты зависит от конкретного корпоративного конфликта и конкретного интереса участника – стороны этого конфликта.

2. Автор критикует порядок исчисления исковой давности по косвенному иску, предлагая начинать его отсчитывать от момента, когда о нарушении узнало первое незаинтересованное лицо, обладающее правом обратиться с косвенным иском.

По сути единственным аргументом против существующей системы, когда давность начинает течь с даты узнавания о нарушении директором, за исключением случаев его сговора с другой стороной сделки, выступает то, что «подход, хотя и обладает высокой степенью правовой определенности, фактически обесценивает смысл и предназначение

⁸ Об этой дискуссии, см.: Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект. С. 77-79.

⁹ Об этом, например, давно написала Т.С. Бойко, см.: Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019. С. 177-178.

косвенного иска, поскольку идея наделить директоров и участников хозяйственного общества таким иском преследует цель преодоления пассивности общества в лице не заинтересованных в его подаче лиц» (С. 67). Довод, сводящийся к тому, что это что-то обесмысливает, кажется нам не вполне убедительным сам по себе, и точно не может быть единственным, если речь идет о юридической диссертации.

Вывод автора о том, что лицо прекращает быть представителем только в силу наличия злоупотребления (С. 63-64), по сути основан только на цитате из DCFR¹⁰, в которой кстати говоря ничего об обсуждаемой проблеме не сказано (С. 64). Даже не вдаваясь в подробности обсуждения наличия или отсутствия статуса представителя у лица, злоупотребляющего полномочиями, следует напомнить, что отношения представительства включают в себя три стороны – представитель, представляемый и третье лицо. Оспаривание сделки, заключенной через представителя, по российскому праву всегда подразумевает обсуждение того, насколько порочно вела себя другая сторона, знала ли она о пороке, т.е. по сути о подразумеваемом сговоре, в отсутствие которого сделка сохраняет силу, несмотря на недобросовестное поведение представителя (ст.ст. 173.1, 174 ГК РФ). Иными словами, изолированного факта злоупотребления полномочиями еще не достаточно для отказа признавать последствия действий представителя.

Именно поэтому неверно считать, что не может отсчитываться давность с того лица, которое само совершило сделку, как на это указывает автор (С. 67). Тогда как другие примеры заинтересованности лица, не позволяющие отсчитывать исковую давность с момента его знания, и которые предлагает автор – получение выгод от нарушения, связанность лица с другой стороной сделки – охватываются все тем же сговором в широком его понимании. То, что критикует автор, на самом деле является другой проблемой, которая действительно имеет место быть – это ограниченный подход к пониманию термина сговор, который, однако, не может сводиться лишь только к некоей «связанности», но должно быть что-то еще, указывающее на их совместные действия.

В этом смысле подход, закрепленный в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27, вовсе не является столь ограничительным, как пытается представить это автор, поскольку оставляет открытым вопрос о том, насколько широко должно трактовать понятие сговора.

Что же касается непосредственно предложения автора считать по первому незаинтересованному лицу, то, конечно, очень хорошо, что он заимствует эту мысль из

¹⁰ Вызывающее отсутствие в работе изучения хотя бы каких-то источников, связанных с представительством, бросается в глаза. Такое ощущение, что речь идет о статье на злобу дня в журнал, а не о диссертационном исследовании.

американской доктрины, но было бы неплохо, если бы автор ответил на возражения, обсуждавшиеся в российской доктрине. В частности, оппонент указывал в своей статье, посвященной этому вопросу, что восприятие лицом сведений о нарушениях прав другого лица с наступлением правовых последствий для этого другого лица (будет считаться, что оно знало о нарушениях, и, соответственно, с этого времени начнется течение исковой давности) является одной из форм представительства (представительство в знании), поэтому, чтобы какое-либо лицо считать таким представителем, необходимо наличие воли представляемого или указание закона. Так как в законе отсутствуют указания на то, что знание участников (учредителей) равно знанию юридического лица, нельзя утверждать, что у них есть полномочие на представительство в знании, а следовательно, знание одного из них о нарушениях со стороны директора или о совершении оспариваемой сделки нельзя расценивать как знание об этом юридического лица¹¹.

К этому добавим, что с учетом сложностей доказывания связанности лиц (тот аргумент, который сам же и выдвигает автор против позиции постановления Пленума ВС РФ № 27), вполне мыслим пример, когда в качестве такого первого узнавшего лица будет выступать лицо фактически аффилированное со злоумышленниками, однако доказать такую связанность будет почти невозможно. Соответственно ему достаточно будет пропустить срок, чтобы тем самым лишить общество возможности защитить свои права.

Констатируя, что ни один из подходов к исчислению исковой давности не является идеальным, мы в той же статье предлагали ввести объективный срок, который ограничивал бы предъявление косвенных исков. К сожалению, ни упомянутая критика начала течения давности по участнику, ни данное предложение в диссертации не обсуждаются.

Как представляется, научное исследование предполагает не только высказывание собственных мыслей по проблеме, но и аргументированное опровержение ранее высказанных по этой теме позиций (собственно то, что побуждает высказывать новое предложение), чего мы в части этого вопроса с диссертации не наблюдаем.

3. Критика смешения опосредованной и непосредственной моделей в п. 17 Обзора ВС РФ по хозяйственным обществам, высказанная в диссертации (С. 69-73), основана на недостаточном погружении в литературу вопроса.

Понимание корпоративного интереса, на котором основан обсуждаемый пункт Обзора ВС РФ, исходит из равенства понятий корпоративного интереса и интереса всех участников, который сводится к тому, чтобы в равной степени извлекать прибыль из

¹¹ См.: Кузнецов А.А. Исковая давность по косвенному иску участника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 11.

деятельности общества. В том случае, когда совершаемое действие нарушает этот постулат и прибыль извлекает только один или некоторые из участников, это является нарушением общего интереса, т.е. интереса общества.

В частности, тезис о корпоративном интересе как сумме интересов участников весьма популярен в доктрине стран романской правовой системы. Так, самый известный сторонник этого подхода французский профессор D. Schmidt, в связи со ст. 1833 ГК Франции, содержащей слова о том, что всякое общество должно иметь законную цель и учреждается в общем интересе участников, указывает на то, что интерес участников состоит в обогащении, поэтому общим интересом участников является увеличение благосостояния общества и последующее распределение прибыли, соответственно единственная цель общества – это получение и распределение прибыли, и мажоритарный участник не может управлять обществом в своем эгоистичном интересе¹². При этом столкновение частных мнений о том, как действовать компании, и даже наличие различий между категориями инвесторов, само по себе не означает различие интересов в главном – заработке и его распределении¹³. Данный автор также добавляет, что интерес общества состоит именно в общем интересе участников¹⁴. Этот же тезис поддерживается законодательством и судебной практикой, а также частью доктрины Испании¹⁵. Аналогичный подход, очевидно, занят и отечественным высшим судом¹⁶.

Соответственно, разрыв равенства в распределении прибыли образует собой нарушение общего интереса, а значит и интереса компании, что и может признаваться основанием для недействительности сделки в соответствии с п. 2 ст. 174 ГК РФ.

В странах, относящихся к германской правовой семье, тот же самый эффект достигается за счет признания существования принципа равного отношения, нарушение которого составляют случаи извлечения выгоды только одним или некоторыми из участников¹⁷.

Что касается используемого диссертантом примера (С. 71-72) с разногласиями между участниками о том, как управлять обществом, которые якобы должен будет учитывать контрагент, боясь последующего оспаривания, из-за чего нарушится

¹² Schmidt D. Les conflits d'intérêts dans la société anonyme. Joly: Paris, 2004. P. 1-3.

¹³ Там же. С. 9-10.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ См.: Comentario de la reforma del régimen de las Sociedades de Capital en materia de Gobierno Corporativo (Ley 31/2014): sociedades no cotizadas / Javier Juste Mencía (coord.), Cizur Menor (Navarra): Thomson Reuters-Civitas, 2015. P. 194-195, 198 (автор комментария – J. Alfaro).

¹⁶ См.: определение ВС РФ от 21.05.2021 № 308-ЭС21-1740 («следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими»).

¹⁷ Например, применительно к Швейцарии, см.: Richa A., Raedler D. La contestation des décisions en droit de la société anonyme // *Développements récents en droit commercial III* / édité par F.-G. Chabot. Cedidac: Lausanne, 2014. P. 13.

стабильность гражданского оборота, то это никоим образом не следует ни из текста, ни из тезиса п. 17 Обзора ВС РФ о хозяйственных обществах. Напротив, в нем прямо подчеркивается, что сделка может быть признана недействительной, если она совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества. Разногласия по управлению между участниками и выбор той или иной стратегии ведения бизнеса сами по себе никакой выгоды ни одному участнику, ни ущерба другому не образуют. Это явное передергивание со стороны автора, равно как и его критика этого пункта Обзора основаны на том, что вместо изучения широчайшего вопроса о понятии корпоративного интереса, по которому написаны десятки диссертаций и монографий в любом крупном европейском правовом порядке, он просто решил мимоходом высказать свое мнение. Такой подход, на наш взгляд, не вполне соответствует уровню диссертационного исследования.

4. Центральной частью работы являются разделы, посвященные взысканию убытков с участника в пользу другого участника. Однако и они имеют ряд недостатков.

4.1. Обоснование того, почему необходимо именно взыскивать убытки напрямую с участника, автор начинает с обсуждения примеров, где, по его мнению, нет достаточных альтернатив. Среди этих примеров необоснованное увеличение уставного капитала и несправедливый коэффициент конвертации. Сложно понять, почему автор утверждает, что существующие меры недостаточны и обязательно необходимо взыскивать убытки, полностью игнорируя возможность оспорить решение об увеличении уставного капитала¹⁸. То же самое касается и несправедливого коэффициента конвертации, автор обсуждает этот вопрос, будто никакой дискуссии по этому вопросу в литературе не было, и не предлагалось допустить оспаривание решения о реорганизации¹⁹, при этом, заметим, что хотя автор упоминает о недопустимости оспаривать реорганизацию после ее завершения (С. 95), не вполне ясно, почему он игнорирует, что решение о реорганизации может быть оспорено и до ее завершения, а сама реорганизация приостановлена до момента завершения при наличии обеспечительных мер.

В этом виден методологический недостаток: обоснование актуальности своей темы через описание недостатков иных средств защиты, при этом без погружения глубоко в их обсуждение. Даже навскидку можно указать на то, что оспаривание решения собрания выгоднее в силу отсутствия необходимости доказывать наличие вины и причинно-

¹⁸ Пункт 12 Обзора ВС РФ по хозяйственным обществам 2019 года. Обоснование оснований для такого оспаривания, см.: Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров). С. 228-229.

¹⁹ См.: Кузнецов А.А. Оспаривание реорганизации хозяйственных обществ // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 162 - 176.

следственной связи, не говоря уже о том, что в силу типично российских недостатков исполнительного производства удовлетворение требования о взыскании убытков еще не гарантирует исполнение судебного решения. Игнорировать это, означает игнорирование российских реалий.

4.2. Критика со стороны автора учета того, насколько действия мажоритария, причиняющие ущерб миноритария, должны быть пропорциональны выгоде общества и необходимости учитывать наличие альтернативных мер, основана на недостаточном изучении вопроса о принципе пропорциональности в корпоративном праве.

Лицо, становясь участником (акционером) общества, подчиняет свой индивидуальный интерес общему интересу, потому только им может быть оправдано то, что игнорируются индивидуальные интересы участников (акционеров) сохранить *status quo* и не уменьшать объем его прав, например, размер своей доли (акций)²⁰.

В российской практике можно наблюдать это на примере п. 12 Обзора ВС РФ, где, обсуждая соответствие решения об увеличении уставного капитала интересам общества, на общество возлагалась обязанность представить доказательства разумной необходимости привлечения значительного объема денежных средств именно посредством увеличения уставного капитала, а также недостаточности собственных денежных средств для осуществления деятельности общества и отсутствия иных разумных альтернатив (критерии адекватности и необходимости), которые не приводили бы к таким негативным последствиям для миноритариев, как уменьшение их доли (критерий пропорциональности). Подробнее о принципе пропорциональности в иностранном праве и его применимости в российском мы указывали в других наших работах²¹.

Не вполне ясно, почему эти моменты должны игнорироваться при взыскании убытков с участника в пользу другого участника, если основанием для такого взыскания выступает решение, нарушающее права миноритария. В очередной раз автор высказывает позицию «на бегу», не изучив даже русскоязычную литературу вопроса, не говоря уже об иностранной.

4.3. Проблема невыплаты дивидендов, рассматриваемая в главе 4 диссертации, не обладает признаками новизны ни с точки зрения постановки проблемы, ни с точки зрения

²⁰ Как указал КС РФ в постановлении от 21 февраля 2014 г. № 3-П, «уменьшение в уставном капитале ООО доли одного из его участников может быть признано допустимым с точки зрения конституционных принципов, если это вызвано целями достижения общего для данного общества интереса и участнику, доля которого уменьшается, обеспечены эффективные механизмы защиты его интересов».

²¹ См.: Кузнецов А.А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов. М. : Статут, 2021. С. 84-87.

ее решения²². Отдельные аспекты, неплохо обсужденные автором, вроде большей актуальности проблемы именно в странах, где имеет место концентрированная собственность, сами по себе не оправдывают дублирование обсуждения главных аспектов проблемы, а также предлагаемого решения – иска о взыскании дивидендов.

Вместе с тем работа автор представляет собой ценный вклад в российскую дискуссию, как минимум, в части взыскания отраженных убытков в пользу участника.

Диссертация Глазунова А.Ю. соответствует всем требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (с последующими изменениями и дополнениями), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, отвечает паспорту специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Таким образом, соискатель Глазунов Алексей Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук, профессор
департамента частного права факультета права
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

/А.А. Кузнецов

«02» марта 2022 года

Контактные данные:

119017, Москва, Большой Трехсвятительский пер.,3,

комн. 225, 226

Тел.: +7 (495) 772-95-90 (доб. 23039)

Адрес эл. почты: AAKuznetsovlaw@yandex.ru

Подпись заверяю
Специалист по персоналу
Конева Д. О.
(Handwritten signature)

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

²² Много и подробно (на гораздо большем материале по англо-американскому праву, чем автор диссертации) об этом писала Т.С. Бойко, предлагая иск о взыскании таких дивидендов, а также обсуждая условия его удовлетворения (см.: Бойко Т.С. Указ. соч. С. 205-210), равно как автор настоящего отзыва писал о признании решения принятым (так называемое оспаривание отрицательных решений), см.: Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров). С. 253-258.